

На правах рукописи

Токтоматов Ормон Кубанычевич

ФАНАТИЗМ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Специальность 09.00.11 - социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Улан-Удэ - 2018

Работа выполнена на кафедре философии
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Бурятский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Бадмаева Мария Валентиновна

Официальные оппоненты: **Смирнов Алексей Евгеньевич**
доктор философских наук, доцент ФГБОУ
ВО «Иркутский государственный
университет», профессор кафедры
философии и методологии науки

Ким Виктория Валентиновна
кандидат философских наук, доцент ФГБОУ
ВО «Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет», заведующий
кафедрой философии и социально-
политических дисциплин

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Дагестанский
государственный университет»**

Защита состоится «21» декабря 2018 г. в 14.00_ на заседании
диссертационного совета Д 212.022.01 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а, конференц-
зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ
ВО «Бурятский государственный университет» и на сайте: <http://www.bsu.ru>

Автореферат разослан

«___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

К.А. Багаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется усложнением современной социально-политической ситуации в мире. Межэтнические и межцивилизационные контакты значительно усилились под влиянием глобализации. Столкновение кардинально различных мировоззрений, социальных порядков, культурных стандартов, происходящее на мировой арене, способствуют росту фанатизма.

Фанатизм как неоднозначный феномен, возникший на заре человеческого общества, сопровождает все этапы его развития. И если в традиционном обществе он имел охранительную функцию, связанную с консервацией социального и культурного укладов, то в современных условиях его «оборонительный» характер становится наиболее активным и деструктивным, находясь на службе различных идеологий и становясь средством манипуляции массовым сознанием. Дефицит смысло-жизненных ориентаций, избегание подлинной самореализации человека также связаны с формированием современного общества потребления. Замещение традиционных нравственных ценностей рационалистичными идеалами вносит дополнительный вклад в складывание ощущений кризисности, субъективного неблагополучия личности и общества. Все это создает благоприятную среду для развития фанатичных течений. Кризис современной западной цивилизации выражается также в несбалансированности производства и потребления материальных благ, влекущих угрозу экологических катастроф в масштабах планеты. Нарушение природного и социокультурного равновесия в западном мире тесно связано с его заражением, «в самой вирулентной форме», механистическими идеями о противоборстве человека и окружающей среды, стремлением к жесткому контролю над ней, главенстве принципов экономического детерминизма, индивидуализма и фетишизации технологий, которые, по словам Г. Бейтсона,¹ «дадут нам все». Становление ориентации на безграничное потребление значительно усугубляет ситуацию. Индикаторами глубины кризиса современного общества могут быть признаны рост экстремистских и террористических проявлений, эскалация насилия и нетерпимости. При этом фанатизм является неотъемлемой составляющей экстремизма и терроризма. В настоящее время не осталось и следа той «слабой надежды», о которой несколько десятилетий назад упоминал Н. Аббаньяно, полагая, что «феномен терроризма сам исчерпает себя в рамках более или менее короткого отрезка времени»². В последние 15 лет процессы фанатизации, лежащие в основе пополнения рядов экстремистских организаций, преодолели барьер локальных и межэтнических конфликтов и превратились в мощную силу, создающую угрозу человечеству.

¹ Бейтсон Г. Корни экологического кризиса / Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. С.454 – 459.

² Аббаньяно Н. Человек: проект 2000. Краснодар, 2010. С. 164

Ответ на вопрос о природе и условиях формирования современного фанатизма, структуре фанатичного сознания, особенностях его становления, является безотлагательной проблемой философии. Чтобы раскрыть социальную сущность и специфику современного фанатизма, необходимо рассматривать его в контексте конфликта систем потребностей и связанных с ними ценностей личности и общества. Выявление связи становления фанатичного сознания и удовлетворения, либо фрустрации низших и высших потребностей его носителей может открыть новые перспективы, поскольку, по мнению большинства исследователей, потребности лежат в основе любой человеческой деятельности. Фанатизм изучается комплексными усилиями философов, политологов, психологов и социологов, причем в последнее время, при общей немногочисленности посвященных ему философских работ, намечается возрастание интереса к данной проблематике. Привлечение наработок психологии, культурологии, социологии и осмысление их на социально-философском фундаменте позволяет выйти к более полному пониманию феномена фанатизма. Без четкого понимания природы фанатизма, причин стремительного роста его влияния на мировой арене невозможно планирование стратегии борьбы с его проявлениями, разработка мер профилактики. Поэтому социально-философское исследование феномена современного фанатизма имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Степень разработанности проблемы. Проблема фанатизма традиционно затрагивалась в контексте других социальных явлений, при этом можно отметить сравнительно малое количество отечественных работ, напрямую посвященных фанатизму. В историко-философском ракурсе отдельные аспекты фанатизма привлекали внимание философов Просвещения, пытавшихся решить задачу определения его сущности с помощью противопоставления научной классической картине мира, акцентирования его иррациональности и нелогичности (работы Ф. Вольтера, Ж. Сталь, Д. Гольбаха, Д. Дидро и др.³). Видение фанатизма как препятствия на пути достижения личностью своей полноты, и в то же время - как иллюзорного средства преодоления трагедии человеческого одиночества и потери жизненных смыслов, отраженное в трудах представителей экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, А. Камю, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Аббаньяно⁴ и др., внесло значительный вклад в понимание того, как складывается и эволюционирует самосознание фанатика. Работы Г. Гегеля,

³ Вольтер Ф. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря»: [сб.: пер. с фран.] / Вольтер. М.: АСТ: Астрель, 2011. 748с.; Вольперт Л. Бесмысленный и беспощадный» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) // <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal5txt.htm> (дата обращения 4.04.2015); Гольбах П. Священная зараза. Разоблаченное христианство. М., 1936. 128 с.; История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Христианство, т. 3, 1753. Л.: Наука, 1978. 318с.

⁴ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С.319 – 344.; Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.- Политиздат, 1990. 415с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Эстетика. Философия культуры. М.: Прогресс, 1991. 311 с.; Аббаньяно Н. Человек: проект 2000. Краснодар, 2010. 188 с.

К. Маркса, Ф. Энгельса, М. К. Мамардашвили⁵ позволили проанализировать фанатизм с диалектических позиций, выделяя проблему социальных факторов его формирования и роли общества в этом процессе. Психоаналитический подход, реализованный в трудах З. Фрейда, А. Фрейд, А. Адлера, К. Юнга, Э. Фромма,⁶ привлек внимание к роли механизмов бессознательного, психологических защит и базовых влечений к жизни и смерти в картине мира фанатичной личности. Психофизиологи и психологи А. А. Ухтомский, В. Б. Ганнушкин, Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, В. Д. Менделевич, Р. Лифтон, А. Найстром⁷ и др. заложили основы научного изучения фанатичного сознания, проанализировав различные отклонения психоэмоциональной сферы и волевой регуляции фанатиков с точки зрения психопатологии личности. Следующий значимый блок, рассматривающий психологические аспекты фанатизма, охватывает тематику потребностей личности: А. Н. Леонтьев, В. С. Магун, А. Маслоу, В. Франкл, П. В. Симонов, Е. П. Ильин⁸ и др. сформулировали положения, позволяющие применить теорию человеческих потребностей и деятельностный подход к исследуемой теме. Особую роль сыграла русская православная философская традиция: сочинения И. В. Киреевского, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка⁹, противопоставившая фанатизм подлинности бытия человека и общества, стали важнейшим источником, сформировавшим

⁵ Гегель Г. *Философия религии*. В 2-х томах. Т.2. М.: «Мысль», 1976. – 573 с.; Маркс К. *Экономико-философские рукописи 1844 г. Сочинения*. М.: Политиздат. 1955. Т. 1974. С. 41-174.; Маркс К. и Энгельс Ф. *Об атеизме, религии и церкви* / [Авт. вступ. ст. Ю. Б. Пишик] М.: Мысль, 1986. 669 с.; Маркс К., Энгельс Ф. *К истории первоначального христианства* // Сочинения, т. 22, 1962. — М.: Политиздат, 1962; Мамардашвили М. *Очерк современной европейской философии*. М.: Азбука-Классика, 2014. 688 с.; Мамардашвили М. *Как я понимаю философию* / М. Мамардашвили; сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

⁶Фрейд З. *Психология масс и анализ человеческого «Я»*. СПб.: Азбука Аттикус, 2012. 192 с.; Фрейд А. *Психология «Я» и защитные механизмы* / Пер с англ. – М.: Педагогика, 1993. 144 с.; Адлер А. *Индивидуальная психология как путь к познанию и самопознанию человека*. Киев: Port-Royal, 1997. 63 с.; Юнг К.- Г. *Проблемы души нашего времени*. М.: Прогресс, 1996. 336 с.; Юнг К.- Г. *Диагностируя диктаторов (Интервью, взятое у К.Г. Юнга Х. Никербокером в 1938 г.)* / В. Одайник *Психология политики*. СПб: Ювента, 1996. С.344 –361; Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: АСТ -Астрель, 2004. 625с.; Фромм Э. *Бегство от свободы: Человек для себя*. М.: Попурри, 2000. 672 с.;

⁷ Ухтомский А. А. *Доминанта*. СПб: Питер, 2002. 448с.; Ганнушкин П. Б. *Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика*. Н. Новгород: Изд-во НГМД, 1998. 128 с.; Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. *Социодинамическая психиатрия*. М.: Академический проект, 1999. 464 с.; Менделевич В. Д. *Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты)*. М.: МЕД пресс-информ. – 2003. 328 с. Lifton R. J. *Destroying the World to Save It: Aum Shinrikyo, Apocalyptic Violence, and the New Global Terrorism*. – Macmillan, 2000. 278 p.; Nystrom C. L. *Immediate man: The symbolic environment of fanaticism* //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 19-34.

⁸ Леонтьев А. Н. *Потребности, мотивы и сознание* //XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. – С. 24-36; Магун В. С. *Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст* // Вопросы психологии. 1985. №. 2. С. 118-126. Маслоу А. *Мотивация и личность*. СПб: Питер, 2008. 352 с.; Франкл В. *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс, 1990. 368 с.; Симонов П. В. *Междисциплинарная концепция человека: потребностно-информационный подход* // Вопросы психологии. 1988. №. 6. С. 94-100; Ильин Е. П. *Мотивация и мотивы*. СПб: Питер, 2002 — 512 с.

⁹ Киреевский И. В. *Разум на пути к истине: Философские статьи, письма, дневник*. М.: Правило веры, 2002. 662 с.; Флоренский П. А. *Записка о православии* // Православие: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. В. Ф. Федорова. СПб: 2001. С.298-305; Бердяев Н. А. *Истина и откровение*. СПб: РХГИ, 1996. 156 с.; Бердяев Н. А. *О фанатизме, ортодоксии и истине* // Человек. – 1997. Т. 9; Булгаков С. Н. *Из философии культуры. Размышления о национальности* / Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. – С. 188; Франк С. Л. *Философские предпосылки деспотизма* // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 114 - 127.

авторское понимание проблемы. В современных публикациях фанатизм и фанатичная вера рассматриваются в тесных взаимосвязях с экстремизмом и терроризмом что отражено в работах Г. К. Варданянца, Д. В. Ольшанского, Е. А. Евстифеевой, С. Н. Иванова и др.¹⁰

Проблема социального и религиозного фанатизма продуктивно изучается в жанре диссертационных исследований. Основные предпосылки фанатизма, его структура, формы проявления и индикаторы выявлены в диссертации Т. Н. Санаевой,¹¹ где также определена его понятийная специфика. Связь фанатичного сознания с личностными и групповыми уровнями бытия исследуется в работе В. В. Ким¹². Религиозный фанатизм стал темой двух диссертаций: М. Н. Кузнецова¹³ раскрыла особенности религиозного и философского подходов к фанатизму, обозначила его связи с терроризмом; М. Я. Яхьяев¹⁴ проанализировал истоки и динамику религиозного фанатизма, предложил классификацию его форм. Однако в дальнейшем в философских диссертационных исследованиях на тему фанатизма наступил десятилетний перерыв. Последнее десятилетие характеризуется значительной эскалацией мировой межэтнической и межкультурной напряженности, ростом социальной «взрывоопасности», обострением глобальных мировоззренческих и экономических противоречий, процессами глобализации, втягиванием пластов архаического сознания в орбиту высоких цифровых технологий.

В смежных дисциплинах дела обстоят схожим образом: первая (и пока – единственная) социологическая диссертация на тему религиозного фанатизма, выполненная Э. М. Шариповой¹⁵, появилась в 2014 г.; в социальной психологии, культурологии, политологии диссертационные работы, посвященные фанатизму, отсутствуют.

При сравнительной немногочисленности современных отечественных исследований фанатизма, позиции авторов кардинально различаются. Так, в ряде работ фанатизм трактуется как феномен, априорно присущий архаичным и традиционным обществам. Диаметральная противоположная точка зрения полагает его следствием рационалистичного мировоззрения, существует взгляд на фанатизм как проявление и индикатор социальных кризисов, а в зарубежной науке преобладающая роль отводится

¹⁰ Варданянц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования, 2005. №7. С.78-83; Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М.: Питер, 2007. 288 с.; Евстифеева Е.А. Феномен веры: дисс... доктора филос. наук. Тверь, 1995. 215 с.; Иванов С.Н. Терроризм смертников. Исторический аспект. // Вестник Удмуртского университета. Выпуск 1. 2008. С. 126-134.

¹¹ Санаева Т.Н. Социальный фанатизм: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Нижний Новгород, 2002. 195 с.

¹² Ким В. В. Фанатизм как социальный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2003, 195 с.

¹³ Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Омск, 2003. 171с.

¹⁴ Яхьяев М.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Автореф. дисс. докт. философ. наук. Махачкала, 2006. 40 с.

¹⁵ Шарипова Э.М. Социокультурная специфика религиозного фанатизма. Дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. Тюмень, 2014. 198 с.

психологическому и социально-конструктивистскому пониманию фанатизма. Существует значительный интерес исследователей к проблемам экстремизма, терроризма, социальным конфликтам, ксенофобии и толерантности, также затрагивающих вопросы фанатизма (Б. Г. Чурков, Ю. А. Зубок, К. В. Злоказов, Г. К. Варданянц, W. Laqueur, и др.¹⁶). В трудах М. В. Бадмаевой, Л. Р. Бартунаева и С. Э. Желаевой, И. С. Болдоновой, С. Ю. Лепехова, В. В. Мантатова и Л. В. Мантатовой, и Л. Г. Сандаковой рассмотрены ценностные, временные и глобализационные аспекты современной ситуации, позволяющие прогнозировать стратегии преодоления фанатизма.¹⁷

В названных работах рассмотрены различные аспекты фанатизма и освещены отдельные участки проблемного поля феномена, а целостные его исследования крайне немногочисленны. На основе обзора основных концептуальных течений, в рамках которых шло изучение фанатизма, можно прийти к заключению о том, что установка на комплексность его исследования, интеграцию различных областей гуманитарного знания обладает значительным потенциалом, а также существует необходимость заполнения пробела в философском осмыслении фанатизма как личностного и социального явления.

Объектом диссертационного исследования является фанатизм.

Предмет исследования – философские основания сущности, личностные и социальные предпосылки и механизмы формирования фанатизма.

Цель диссертационного исследования – выявление сущности фанатизма, его личностных и социальных граней

Достижение цели потребовало решения следующих задач:

-обосновать комплексное понимание предпосылок фанатизма;

¹⁶ Чурков Б. Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Психология террористов и серийных убийц: хрестоматия. Минск: Харвест. 2004. С. 180-196.; Злоказов К. В. Экстремистский текст и свойства личности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С.215-225.; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.; Варданянц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования, 2005. №7. С.78-83.; Laqueur W. The new terrorism: fanaticism and the arms of mass destruction. NY: Oxford Univ. Press, 1999. VII, 312 P.

¹⁷ Бадмаева М. В. Питирим Сорокин и философия евразийства // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) /Материалы Международной научной конференции. Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г. С. 410-420; Бадмаева М. В. Личность в период религиозной и моральной поляризации // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 3. С. 91-97.; Бартунаев Л.Р. Желаева С.Э. Экономическая форма времени как полимодального феномена природы: понятия и свойства // Вестник Бурятского государственного университета, 2013. № 2. С. 39 - 45.; Болдонова И.С. Межличностный диалог: устный и письменные дискурсы // Наука и образование, 2010, № 3. С. 69 - 73.; Лепехов С. Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. /Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча», Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. С. 195 - 205.; Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский ун-т технологий и управления, 2007. 263 с.; Сандакова Л. Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации / Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора В. А. Балханова. Улан-Удэ: БГУ, 2015. С. 46 - 49.

-раскрыть сущность фанатизма на основе теории человеческих потребностей;

-установить связь между рациональностью, рационалистичностью и ценностными аспектами фанатизма;

-выявить механизмы формирования фанатичного сознания;

-определить взаимосвязи современного общества потребления и социального и личностного фанатизма.

Теоретические и методологические основы исследования. В теоретическом плане исследование базируется на подходах, выработанных в различных философских системах – это, прежде всего, диалектико-материалистическая теория человеческих потребностей, рациональная философия и аксиологические подходы¹⁸. Комплекс идей экзистенциальной философии о бытии, смысловом самораскрытии человека, самоактуализации и ценностях опыта, принятии феноменальной ситуации содержится в работах М. К. Мамардашвили, А. Шютца, М. Бубера, К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Аббаньяно, В. Франкла¹⁹ и др. Эти теоретические воззрения позволили рассмотреть феномен фанатизма в соотнесении со смыслами индивидуального и коллективного бытия.

Вопросы фанатизма в русской философской традиции связывались с духовным самораскрытием, категориями свободы, веры и предназначения человека. Работы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Л. И. Шестова, Н. О. Лосского²⁰ имели большое значение для данного исследования. Не менее важные аспекты проблемы поднимают психологические подходы: психоаналитическая традиция (З. Фрейд, А. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер и др.²¹), гуманистическая психология (Э. Фромм, А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс и др.²²), отечественная деятельностная

¹⁸ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание // XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. – С. 24-36; Магун В. С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии. 1985. №. 2. С. 118-126. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Питер, 2008. 352 с.; Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.; Симонов П. В. Междисциплинарная концепция человека: потреб-ностно-информационный подход // Вопросы психологии. 1988. №. 6. С. 94-100; Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. 512 с.; Туев В. А. Человеческие потребности. Иркутск: Изд-во ИГЭА. 1998.; Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: «Наука», 1988. 286 с. Гжегорик А. Жизнь как вызов. Введение в рационалистическую философию. М.: Вузовская книга, 2006. – 320 с.; Кислов В.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985..

¹⁹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили; сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: ИФ «Общественное мнение», 2003. 336 с.; Бубер М. Проблема человека. / Перевод с немецкого. Киев: «Ника-Центр», 1998. 132 с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 488 с.; Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч.; Аббаньяно Н. Указ. соч.; Франкл В. Указ. соч.

²⁰ Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: «Издательство АСТ», 2004. 678 с.; Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев; сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. М.: «Издательство АСТ», 2004. 732 с.; Булгаков С.Н. Указ. соч.; Франк С. Л. Указ. соч.; Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М.: Авалон Аттикус, 2011. 224 с.; Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. 864 с.

²¹ Фрейд З. Указ. соч., Фрейд А. Указ. соч., Юнг К. Указ. соч.; Адлер А. Указ. соч.

²² Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: Попурри, 2000. 672 с.; Маслоу А. Указ. соч.; Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.; Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. М.: изд-во МГУ, С. 38-42.; Роджерс К. Р. Гуманистическая психология. Теория и практика. М.: Изд-во «МОДЭК», 2013.

психология (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник, и др.²³) раскрывают фанатизм с точки зрения динамики сознания и бессознательного, самоактуализации личности и проявления ее потребностей в продуктивной деятельности. Интегральные подходы П. А. Сорокина и К. Уилбера позволили определить стратегии преодоления фанатизма.²⁴

В работе использован комплекс общенаучных и философских подходов и методов исследования. Элементы аксиологического подхода, применение диалектического метода в контексте теории потребностей и рациональной оценки способствовали установлению связей между феноменом фанатизма, реализацией высших потребностей и характером ценностей, феноменологический метод, обращенный к опыту человека, его субъективному переживанию, позволил воссоздать жизненный мир носителя фанатичного сознания. Психологические подходы способствовали получению информации об эмоционально-аффективных сторонах фанатизма. Системный взгляд на проблему динамики человеческих потребностей обусловил понимание предпосылок формирования социального фанатизма.

Научная новизна диссертационного исследования:

-обоснована необходимость изучения предпосылок фанатизма в комплексе, на базе взаимной дополнительности объективных и субъективных факторов, выявлено, что в научном и философском дискурсе проблема предпосылок фанатизма представлена неравномерно: выше изученность субъективной стороны, имеется психологизация основных характеристик и недооценка объективных факторов;

-раскрыто понимание сущности фанатизма на основе теории человеческих потребностей;

- доказана прямая связь рационалистичности и ценностных аспектов фанатизма;

-определены механизмы формирования фанатичного сознания;

- выявлена связь современного общества потребления и формирования фанатизма.

Положения, выносимые на защиту.

1. Фанатизм – сложный феномен, отличающийся совместным действием личностно-бытийных, культурно-мировоззренческими социально-политических факторов. Сочетание социально-экономических условий, благоприятствующих расколу личностной целостности, отдалению человека от подлинной самореализации, культурных стандартов общества,

²³ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание //XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. – С. 24-36.; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Издательский дом «Питер», 2011. 288 с.; Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979.320 с.; Зейгарник Б. В. Понятия квазипотребности и психологического поля в теории К. Левина. Хрестоматия по психологии. М.: Омега-Л., 2006. С. 182-194.

²⁴ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, ... СПб., 2000.; Уилбер К. Интегральная духовность: Новая роль религии в современном и постсовременном мире. – Ipraktik, 2013.

способствующих разрушению традиции, социальных и личностных конфликтов создает взаимосвязанный комплекс факторов формирования современного фанатизма.

2. Сущность фанатизма состоит в потребностной подмене - когда вместо потребностей высшего уровня, ориентированных на самореализацию человека, актуализируются псевдопотребности, которые, не будучи витальными, в то же время не являются высшими. Фрустрация высших духовных потребностей и потребностей в самореализации, сведение их к усложненному, изоциренному удовлетворению витальных и престижно-статусных потребностей вызывает накопление негативного психосоциального потенциала, выражающегося в фанатичной идеологии и деятельности.

3. Подмена рациональной оценки рационалистической, не позволяющей субъекту постичь подлинную ценностную сущность предмета оценивания, является основным фактором, поддерживающим целостность картины мира фанатика, и воспроизводящим фанатизм с аксиологической точки зрения. Функция рационалистичной оценки состоит в предоставлении фанатичному субъекту искаженной картины мира на основе лишенных гуманизма ценностей (антиценностей).

4. Фанатичное сознание – сложный, системный феномен, имеющий многолинейную природу. Механизмом его формирования служит деформация ценностей, невозможность реализации высших духовных потребностей личности и достижение ею самореализации, а также подмена рациональности рационалистичностью.

5. Цели общества потребления противоположны творческому саморазвитию его граждан и поэтому создают благоприятные условия для формирования социального фанатизма. Установки на прогрессирующее потребление, сопряженные с подавлением высших, духовных потребностей вызывают «протестный ответ» в форме различных видов фанатизма и популярности фанатичных движений.

6. Стратегия преодоления фанатизма в условиях глобализации должна иметь интегральный характер, сочетая объективные экономические, субъективные личностные, интерсубъективные культурно-мировоззренческие и интеоробъективные системные факторы, и основываться на росте морального сознания личности и социума к идеалам альтруистической любви.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертации имеют теоретическую значимость в аспекте связи фанатизма с реализацией потребностей человека, выявления влияния установки на потребление и рационализацию духовных потребностей с возможностью (и угрозой) фанатизации части общества. Выводы, сформулированные в диссертации, могут быть применены для углубления исследования социально-философской тематики, связанной с дисгармоничным развитием личности, переходящим в фанатизм, а также в смежных дисциплинах –

социологии, политологии, этнологии, культурологии, психологии в области дальнейшего исследования закономерностей формирования фанатичного сознания, видов и форм фанатизма, соотношения исследуемого феномена с экстремизмом и терроризмом.

Результаты исследования применимы к разработке учебных программ, курсов лекций и учебных пособий по философии, культурологии, психологии и педагогике, отражающих проблематику современного общества и рисков его развития, терроризма, экстремизма и их связей с формированием индивидуального и коллективного мировоззрения, деятельности, идентичностей, свободы и глубины бытия, реализуемой личностью. Материалы исследования могут быть использованы при разработке социальных программ, направленных на повышение уровня толерантности, предотвращение экстремизма и терроризма, ксенофобии и иных форм социальной нетерпимости, а также для консолидации российского общества и формировании позитивных идентичностей и личностных смыслов.

Публикации по результатам диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты изложены в 11 публикациях, общий объем которых составляет 4 печатных листа, в том числе в шести статьях, входящих в перечень ВАК.

Апробация диссертационного исследования. Результаты исследования докладывались на научных конференциях, в том числе V Байкальских международных социально-гуманитарных чтениях (Иркутск, 2011), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социокультурные механизмы преемственности ценностей» (Иркутск, 2012), Международной научно-практической конференции «Социокультурные механизмы преемственности ценностей» (Иркутск, 2013), XVI межрегиональной научно-практической молодежной конференции «Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы» (Иркутск, 2016), Международной научно-практической заочной конференции «Теория и практика приоритетных научных исследований» (Смоленск, 2016). Актуальность диссертационного исследования была подтверждена поддержкой Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 11-33-00111a2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей») и Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (проект № МК-2493.2011.6 «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей»).

Структура и объем диссертационного исследования. Диссертация изложена на 157 страницах и включает в себя введение, две главы, заключение и библиографический список из 203 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, определены его объект, предмет, цели и задачи, показана степень разработанности исследуемой проблемы, дана характеристика методологической базы диссертации, ее научной новизны, теоретической и практической значимости, апробации результатов и основных защищаемых положений.

В первой главе «Философские основания исследования фанатизма» раскрываются основные подходы к определению фанатизма, выделяются исследовательские модели, анализируется вклад потребностей и ценностей в его формирование. Глава состоит из трех параграфов.

В параграфе 1.1. «Подходы к определению понятия и критерии фанатизма» отмечено, что большинство отечественных и зарубежных исследований фанатизма начинаются с выяснения этимологии понятия. Автор приходит к выводу, что пока не сложилось признанной большинством авторов методологии изучения фанатизма, значительно варьируют подходы к выявлению его причин и характеристик, различаются оценки. Изначально существовало две этимологические линии, связывающие понятие фанатизма с латинским «fanum» (жертвенник) и греческим «thanatikos» (смертоносный).

Трактовка фанатизма в историческом ракурсе претерпела изменения: от соединенности с культом и божественным вдохновением в античные времена, к связи с суевериями, мотивирующими людей на неразумные поступки в философии Просвещения и далее к нетерпимости и насилию в отношении людей, непохожих на членов своего сообщества, либо не разделяющих взгляды фанатичной личности или группы. Этимология понятия «фанатизм» задает общие контуры его первоначальных смыслов, в то время как определения подчеркивают важные с точки зрения их авторов, сущностные особенности феномена. Определения фанатизма условно можно подразделить на две группы: первая ориентирована на личностный уровень, вторая подчеркивает социальный характер.

На личностном уровне фанатизм определяется через привязанность к конкретному идеологическому содержанию, в ряде определений ключевым признаком является вера, направленная на объект, центральный для личностных ориентаций субъекта. Оба признака дополняются включением деятельности, фанатизм обуславливает зависимость деятельности от приверженности конкретным убеждениям, идеям и представлениям, по

такому же критерию определяется стратегия взаимодействия фанатика с социальным окружением. В определениях личностного фанатизма также фигурирует неполноценность познавательных процессов, догматизм мышления, обеднение и упрощение эмоциональной сферы, узости мировоззрения, неспособности к эмпатии, незрелость психологических защит субъекта. Фанатизм определяется как служение или защита идей, объектов, либо ценностей, осуществляемая экстремальным, сверхординарными способами, находящимися за пределами нормы, его основным признаком служит нарушение личностного и социального коммуникативного баланса. Определения, затрагивающие социальный уровень фанатизма, менее многочисленны: распространена трактовка фанатизма как гиперболизации веры, ценностей, переживаемых с нездоровой пристрастностью. Здесь также затрагивается деструктивная специфика явления, и отмечается его характер, угрожающий существованию социума. Это позволило рассматривать самовоспроизводство социального фанатизма с помощью стратегии принудительного выбора, разделяющего мир на два непримиримых лагеря. Социальное и личностное измерение фанатизма тесно взаимосвязаны, личность фанатика формируется в результате внушенной обществом демагогии, далее распространяя в обществе свои взгляды. Антигуманность и утопичность социального фанатизма его трактовке как «иллюзорно-деструктивного способа социального действия, осуществляемого людьми фанатического склада психики, объединяющимися в фанатическое сообщество или организацию».²⁵ Данный подход позволяет включить в предметное поле фанатизма социальные процессы, институциональные структуры и идеологические программы.

Автор отмечает многомерность социального фанатизма как явления: ни социально-психологическая, ни социально-экономическая, либо историко-культурная трактовки его причин не являются сами по себе исчерпывающими, а представляют собой взаимно дополнительное единство. Имеются противоречия между дефинициями фанатизма, трактуемыми его как личностный и социальный феномен, описывающими особенности сознания, мышления и деятельности фанатика и предлагаемыми более узкими по смысловому охвату критериями, которые сконцентрированы на психологической стороне. К таким критериям относятся: религиозная (и иная деятельность), подчиненная сверхценной идее, приверженность абсолютной, с точки зрения адепта, истине и конечной правде, отсутствие критического отношения к собственному образу мыслей и действий, аффективная напряженность. Поглощенность мировоззрением своей группы и подчиненность лидеру сочетаются с установкой на немедленные, активные и целеустремленные действия по преодолению несовершенства мира, его «исправлению» в соответствии с завладевшей фанатиком доктриной. Основу смыслового каркаса понятия «фанатизм» составляют категории идеологии,

²⁵ Яхьяев М.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Автореф. дисс. докт. философ. наук. Махачкала, 2006. С.21.

мировоззрений, ценностей, коммуникаций с миром, эмоциональных состояний и когнитивных процессов. Определения фанатизма адресуются либо к личностному, либо к социальному уровню, но взаимосвязь данных уровней в существующих дефинициях не подчеркивается.

Ни одно из проанализированных определений не рассматривает фанатизм с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей. На наш взгляд, теория человеческих потребностей позволяет ответить на вопросы о социально-исторических предпосылках зарождения фанатизма, его эволюции, специфике проявления в традиционном и современном обществе, показать связи между идеологией, социальными условиями, рациональностью, рационалистичностью и психологией фанатизма. Поэтому нами сформулировано следующее понимание фанатизма: современный фанатизм есть системная деформация личности и общества, характеризующаяся догматизмом, рационалистичностью, ориентацией на антиценности, поляризацией мира, ориентированная на саморазрушение и деструктивную деятельность, возникающая в условиях невозможности удовлетворения высших духовных потребностей, механизм которой заключается в переводе внутреннего конфликта личности во внешний мир. Иными словами, в нашем понимании фанатизм возникает как ложная компенсация невозможности удовлетворения высших потребностей личности.

Параграф 1.2. «Проблема фанатизма и человеческие потребности» направлен на выявление связи личностного и социального фанатизма с удовлетворением, либо фрустрацией низших и высших потребностей. Анализ литературы по теме не дает однозначного ответа. В теории человеческих потребностей доказано, что без общественной деятельности функционирование и формирование потребностей невозможно, ведь они аккумулируют жизненные силы, энергию развития и творчества отдельных индивидов в своей свободной реализации. Распространенная трактовка фанатизма как результата личностной деформации индивида, одержимого сверхценными идеями, склонного к насилию и догматизму является проявлением психологизации, когда содержание понятия считается преимущественно субъективным. Таким образом, отрицается внутренняя объективная детерминированность фанатичного субъекта. Потребностная парадигма вскрывает объективные стороны фанатизма, ее исходная посылка состоит в единстве объективной и субъективной детерминации. В процессе удовлетворения потребности важную роль играет сознание субъекта, и в то же время внутренняя необходимость удовлетворения потребности объективна, так как от нее зависит само существование личностного, либо социального субъекта. Следует отметить, что гармоничной личности свойственна развитость высших потребностей, их реализация способствует раскрытию потенциала человека на благо социума. Дисгармоничная личность, напротив, отличается сбоями в формировании и реализации потребностей, особенно высших, социальных и идеальных. Высшие

потребности индивида, будучи реализованными, «работают» на благо всего социума, выражая активное отношение личности к своей среде. Социальные потребности в рамках данной парадигмы - это потребности общества, его институтов, групп, организаций. Расширительная трактовка потребностей связана с понятием «присвоения» индивидом нужд развития общества. Потребности индивидов находятся в динамическом взаимодействии с потребностями социума, выражаясь в системном инварианте общества - его социальной норме, которая, в свою очередь, наиболее полно воплощается в социокультурной традиции. Деструктивность фанатизма противостоит этим целям, и, следовательно, фанатизм должен сопровождаться нарушением баланса личностных и социальных потребностей. Для заполнения духовной пустоты человек стремится использовать фанатичные установки, дающие ему иллюзию жизненных смыслов. Интериоризированный опыт поколений, как содержание культурной традиции, в определенный момент перестает соответствовать новым потребностям общества. Возникает «пороговое» состояние, из которого возможно движение как в сторону прогресса, так и регресса. Поскольку личное и социальное сливаются в потребностях, потребность – «совместный продукт» общества и индивида, то общество на пороге перемен неустойчиво и обладает повышенным риском развития фанатизма. В механизме его формирования важное место занимает регресс потребностей индивида, переводящий их в спящее, латентное состояние. Помимо перехода в латентное состояние, чтобы при случае возникнуть с новой силой, потребности могут удовлетворяться по гипо- и гиперкомпенсационному сценариям. Критерием функциональности компенсации удовлетворения высших потребностей является полезность его результатов для индивида и общества. В случае фанатизма компенсаторные эффекты не обогащают ни личность, ни общество, они кратковременны. Поэтому мы приходим к выводу о ключевой роли потребностных подмен в формировании фанатизма. Потребности высшего уровня у фанатика подвергаются существенному искажению, теряя свою сущность. Так, потребность в самоактуализации блокируется и принимает характер потребности в насаждении, инфицировании собственной идеологией и поведенческими программами окружающих людей. Таким образом, эта подмененная потребность не может быть признана способствующей личностному раскрытию, самореализации, хотя в то же время она не относится к материальным, витальным. Мотивационное ядро фанатичной личности активно, оно подпитывается отсутствием сомнений, ощущением сверхценной миссии. Потребность в идеологическом доминировании, насаждении своей точки зрения движима интересами эго, а потребность в самоактуализации, раскрытии своей миссии соответствует выходу за пределы эгоистических интересов к бытийной основе личности.

Компенсаторная «зацикленность» фанатика, переориентация его с подлинных потребностей на подмененные, «псевдопотребности» создает личностный и социальный тупик. Искаженные, фрустрированные

потребности фанатичного субъекта направлены на снятие внутренней конфликтности личности и вместо самосовершенствования ориентированы на саморазрушение и деструктивную деятельность. Духовные потребности, потребности в самореализации и потребность в свободном творческом труде тесно связаны, являясь каждая условием другой, и в совокупности несовместимы с фанатизмом. Творческий труд выступает в качестве предпосылки реализации высших потребностей личности. Современное капиталистическое общество и деятельность «креативного класса» по внедрению в общественное сознание стандартов безудержного потребления провоцируют накопление негативного идейного и деятельностного потенциала, возникающего в результате подавления высших, духовных потребностей, что выражается в росте популярности фанатичных движений.

Параграф 1.3. «Роль рациональности в исследовании аксиологической грани фанатизма» сфокусирован на неоднозначности трактовки принципа ratio в современной философии, связи рациональности, рационалистической оценки и ценностей с фанатизмом.

Автор констатирует существование целого спектра рациональностей разного масштаба и разных мировоззренческих уровней. Основными видами рациональности являются открытая, берущая начало от Логоса, и закрытая, происходящая от калькулирующего ratio²⁶. Оба вида рациональности взаимно дополнительны, в этом их преимущество и сила. Но в случае фанатизма присутствует только один вид рациональности – закрытая, связанная с догматизацией и «движением по кругу» в пределах заранее обозначенных границ.

Имеет место понятийная подмена: забывая о двойственности, вернее, двуединстве рациональности, сочетающей Логос (открытый тип) и калькулирующий принцип ratio (закрытый тип), мы можем с равной долей ошибочности интерпретировать фанатичное сознание и поведение только как рациональное либо иррациональное, примеры чего существуют в литературе. Более правильно соотнести фанатизм с закрытым типом рациональности, абсолютизируемым и подвергнутым догматизации. Диалектика полноты рациональности состоит в постоянном гибком пересмотре предпосылок обеих «рациональностей» и привлечении более широких мировоззренческих контекстов. У фанатика контроль рациональности, совесть, превращается в инструментальный механизм рационализации и позволяет подогнать под себя любое поведение, не соответствующее сути декларируемых ценностей. раскрывает основные черты и факторы развития фанатичного сознания. Рациональность, обосновывающая саму себя, может трактоваться как ступень и уровень мышления. Это точно подмечено в проблеме рациональной оценки. Инвариант ценностей является предметом конкретной оценки. Рациональная оценка, в отличие от эмоциональной, оценивает феномен в собственно ценностных, а не только значимостных для

²⁶ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиции и современность. М.: Прогресс – Традиция, 2003. С.47

определенной личности критериях²⁷. Развитие фанатичного сознания влечет рационализацию эмоциональной оценки. Противоречие между реальностью и идеальным образом реальности – общественным порядком, нравственными идеалами, поведением людей воспринимается сквозь призму эмоциональной оценки, но в то же время сознание фанатика пытается придать ей атрибуты рациональности. Подлинная, саморефлексивная рациональность несовместима с попыткой уложить ее в рамки догматичной идеологии. Налицо парадокс – фанатичное сознание стремится придать эмоциональным оценкам статус объективной истины. Попытка рационализировать эмоциональную оценку, придать ей внешнюю атрибутику рациональности, лишить самокритичности ведет к тому, что получающийся тип оценивания не является ни рациональным, ни эмоциональным. Поскольку рациональная оценка находится в непрерывном процессе саморефлексии, она является примером критического мышления. Мышление фанатика не критическое, ему не нужна внешняя референция рациональности, он убежден в собственной правоте и не нуждается ни в критике, ни в самокритике. В процессе оценивания мышление фанатика самозамкнуто на себе и не нуждается в обратной связи с предметом оценки. При этом противоречия образа предмета и его реальных свойств фанатиком не замечаются, либо встраиваются в картину ценностного образа предмета. Таким образом, фанатизм характеризуется ущербностью рационального оценивания. Поскольку только с помощью рациональной оценки можно прийти к постижению подлинной сути аксиологической значимости, то в ней также воплощена связь потребностей и ценностей. Вопрос рациональности и рационалистичности в содержании феномена фанатизма, особенностей фанатичного мышления приводит нас к выводу, что фанатизм отличается тем, что ему свойственна серия подмен важнейших философских категорий: как высшие потребности, не достигая своего свободного развития и реализации, подменяются псевдо-высшими, так и рациональная оценка, проникающая в глубину аксиологической сути предметов и явлений, подменяется оценкой рационалистичной, лишь внешне имеющей с ней некое поверхностное сходство. Но за разветвленной категориальной системой в рационалистичной оценке «прячется» догматизм, а не здоровая самокритичность рационального мышления. Фанатик, ввиду ущербности рационалистичной оценки, преобладающей в его сознании, испытывает трудности с переживанием подлинного смысла ценностей. Утрата прежних ценностей и «выращивание» в обществе новых – длительный процесс, который сопровождается своеобразным «духовным вакуумом». В точке разрыва преемственности ценностных систем и невозможности удовлетворения потребностей в прежнем объеме возникает потенциальная возможность для внедрения фанатичных установок и идеологии. Социальный фанатизм в данном контексте выступает как своеобразная «защита» от сложности и болезненности перемен, через которые проходят личность и общество:

²⁷ Кислов Б.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. С.149

регресс к «понятной», упрощенной картине мира с помощью рационалистичных оценок позволяет снизить давление неопределённости, тревоги, неуверенности в будущем.

У фанатика происходит деформация ценностных интенций «Я» за счет обеднения высших интенций. Высшая ценностная интенция в фанатичном сознании практически единственная, и определяется содержанием сверхценной идеи. Сведение ценностного многообразия к дуалистическим, черно-белым ценностным схемам позволяет фанатику создать ясное видение своего места в обществе, осознать «социальную миссию», придать смысл своему существованию. Ценностная структура фанатика ригидная, высшие интенции мотивируются внутренним конфликтом, но в силу неосознанности последнего воспринимаются как направленные на исправление пороков других людей, народов, групп, и в итоге, всего мира. В итоге параграфа автор приходит к выводам о том, что формирование фанатичных ценностей в индивидуальном жизненном процессе связано с нарушением связей субъекта и мира, его отделенностью от подлинного переживания любви и целостности как собственной, так и другой личности. Исповедуя ценности гуманитарности и творческого труда, общество может создать условия для развития высших ценностей, которые делают узость фанатичного сознания неприемлемой и способствуют трансформации личности фанатика, ее «социальной терапии», а также профилактике фанатизма и экстремизма

Вторая глава «Социальный фанатизм как системная деформация личности и общества» посвящена вопросам анализа фанатизма как всеобъемлющей деформации развития личности и социума в контексте формирования фанатичного сознания и его деятельностного воплощения в экстремизме и терроризме. Фанатизм рассматривается как основа экстремизма и терроризма. Содержание главы раскрыто в двух параграфах.

В параграфе 2.1. «Фанатичное сознание: условия формирования, особенности, специфика» рассматриваются точки зрения на механизмы формирования фанатичного сознания: ряд авторов считает главной сверхценную идею, другие полагают, что основную роль играет неосознаваемый психологический драйв, связанный с мотивацией личности и реализованный в бессознательном. Третьи отводят главную роль аффективной напряженности и гипертрофированной волевой регуляции, четвертые считают, что причины формирования фанатичного сознания нужно искать в содержании его идеологической доктрины и специфике ценностей, пятые настаивают на культурно-этнических корнях фанатизма, шестые признают приоритет социально-экономических факторов.

По нашему мнению, такие значительные разночтения в определении ведущих факторов развития фанатизма и фанатичного сознания свидетельствуют не только о плюрализме подходов и разнообразии исследовательских позиций, они также отражают многогранность и неоднозначность самого феномена. К главным признакам фанатичного сознания относятся догматизм, конформность, нетерпимость. Оно

формируется в условиях массового рационалистичного сознания, которое служит для него питательным субстратом.

С психопатологической точки зрения, сознание фанатика находится в порочном цикле невротической зависимости: недостаток доверия к себе порождает недостаток доверия к миру, следовательно, невозможность конструктивной реакции на меняющиеся жизненные и коммуникативные условия. Отсюда следует два варианта – обходной, рационалистичный сценарий нападения и такой же объективирующий шаблон избегания. Бесстрашие фанатика в своей сути мотивировано глубинным страхом. Страх побуждает его «заморозить», закрепить в понятных и упрощенных субъективных формах социальные институты, духовную жизнь, культуру. Вера и ценности в фанатичном сознании сливаются в единую, негибкую структуру, которая может функционировать ценой огромных энергетических затрат, обеспечиваемых с помощью воли. Формируется семантический ряд: фанатичная вера – ценность – сверхценная идея – установка сознания – усечение иерархии ценностей и потребностей – поведение. Таким образом, ядром фанатичного сознания является сверхценность – идея, символ, вербальный образ, содержащий актуальные для личности концентрированные смыслы, которые видятся ею как решение глубинных конфликтов.

Следующий важный момент в характеристике фанатичного сознания – его противоречивость. Автор приводит ряд таких парадоксов: сверхценность идеи – ничтожная ценность всего остального; безапелляционность, бескомпромиссность – непреодоленный страх; невозможность пробиться к собственной экзистенциальной глубине – несознаваемый страх перед бытийной глубиной Себя и Другого; коммуникативный слом, разрыв связей с окружением – мессианство и стремление к распространению своей идеологии; страх перед активной жизненной позицией, недостигнутая самоактуализация – ориентированность на решительные и жесткие действия, готовность отдать жизнь за идею; конформность – сверхволевая регуляция; стремление «вырваться» из рабства неправильного мира – глубинная реализация потребности «быть в рабстве»; безграничное доверие к лидеру сочетается с тотальным недоверием к миру; эгоизм сопровождает недостаток интереса, внимания к подлинным нуждам своей личности; декларируемый гуманизм – сущностная антигуманность; требование от окружающих уважения – низкое самоуважение. Фанатичное сознание продуктивно рассматривать в терминах девиации и вытеснения, когда подоплека, сущностные смыслы поведенческих актов, эмоций и убеждений оказываются противоположны их декларируемому смыслу.

Определение степени развития фанатичного сознания связаны с мерой «захваченности» субъекта фанатичной доминантой: тотальный фанатизм с полной активацией всех элементов сознания стойко и продолжительно охватывает большинство линий, в случае мягкого, либо частичного

фанатизма, (фанатичных состояний сознания) активируются фанатичные доминанты лишь в строго определенных контекстах.

Фанатичное сознание – сложный, системный феномен, имеющий многолинейную природу. От развития линий (когнитивной, эмоциональной, потребностей, ценностей, веры, эго, мировоззрений) зависит конкретная типология и конфигурация содержания фанатичного сознания. Типы фанатичного сознания в литературе выделяются на основании предпочитаемых линий, в основу классификации положены либо эмоционально-аффективные, либо когнитивные, ценностные или коммуникативные процессы. Для более полной картины фанатичного сознания необходим синтез названных направлений, придание им не конкурирующего, а взаимно дополнительного характера. Фанатичное сознание отличается парадоксальностью и противоречивостью, и может использоваться как инструмент манипуляции и индоктринации людей в политических целях. Экзистенциальные, бытийные интерпретации фанатичного сознания обнаруживают его тесную связь с эгоцентризмом и неприятием своей глубинной человеческой природы. Общество потребления и его основные институты направляют усилия на переориентацию структуры потребностей личности в область витальных, материальных потребностей, таким образом, стоя на пути нормального развития данного процесса и пытаясь повернуть его вспять. Происходит инверсия процесса удовлетворения потребностей, нарушение баланса между низшими и высшими. Социальный фанатизм возникает как иллюзорная компенсация невозможности удовлетворения высших потребностей личности.

Фанатик не только переносит в мир свое поляризованное сознание – он также и есть порождение социальных условий этого мира. Современный фанатизм следует рассматривать в контексте капиталистического социально-экономического порядка, процессов отчуждения труда и расцвета общества потребления, которые значительно затрудняют реализацию высших потребностей личности и вынуждают ее идти по пути суррогатной самореализации. Механизмом формирования фанатичного сознания служат деформации ценностей, невозможность реализации высших духовных потребностей личности и достижение ею самореализации, а также подмена рациональности рационалистичностью. Сбалансированность духовных и материальных потребностей личностей и общества в целом является залогом его целостности, прогресса и предотвращения социального фанатизма. Фанатичное сознание отличается парадоксальностью и противоречивостью, и может использоваться как инструмент манипуляции и индоктринации людей в политических целях. Экзистенциальные, бытийные интерпретации фанатичного сознания обнаруживают его тесную связь с эгоцентризмом и неприятием своей глубинной человеческой природы. В данном смысле фанатичное сознание и самоактуализация личности, достижение ею высших духовных потребностей несовместимы.

Параграф 2.2. «Экстремизм и терроризм как крайние формы социального фанатизма» посвящен анализу соотношения фанатизма, экстремизма и терроризма и специфике их современных проявлений. Мы предлагаем понимание фанатизма содержания экстремизма, а экстремизма как формы фанатизма, что обуславливает их неразрывность и слитность. Фанатизм соотносится с экстремизмом как внутреннее с внешним. Социальное измерение – непреложное качество фанатизма как основы экстремизма и терроризма. Лишь в социальном взаимодействии реализуются его сущностные характеристики – дуалистическое мировоззрение, стремление к распространению сверхценных идей и борьба с инакомыслием. Философская рефлексия связей фанатизма, экстремизма и терроризма задает более широкий горизонт вопросов: о роли социальных условий, способствующих формированию личностно-мотивационного ядра, которое свойственно всем трем видам данных деструктивных явлений, смысловом наполнении феномена радикализации сознания фанатиков, о социальном и институциональном измерении фанатизма, терроризма и экстремизма в соотнесении с аксиологической и потребностной плоскостью развития личности. Ответы на поставленные вопросы потенциально позволяют расширить спектр мер, направленных на предотвращение данных социально деструктивных явлений.

Социальные условия радикализации сознания фанатичных личностей, способствующие переходу их за грань экстремизма, многообразны. Они проявляются в виде нарушения связей в системе социума, а также деформации отношений между различными обществами, и прежде всего, их ценностными системами. Ценностные системы социумов находятся под влиянием экономических и политических факторов, поэтому общая конфликтность социальной ситуации является предпосылкой становления экстремистского образа мыслей и действий.

Социальным проявлением экстремизма является деятельность групп, находящихся на периферии идеологии и культурных стандартов доминирующего социума. Экстремистская идеология, ценности и идентичности – отражение в кривом зеркале существующего в обществе культурного содержания. Выразителями экстремистского сознания, «действующими лицами», претворяющими фанатичную идеологию в жизнь, являются группы и индивидуумы, чья деятельность лежит вне правового и ценностного поля данного социума.

Существует парадокс – институциональная трудновыделимость фанатичного экстремистского сообщества сопровождается масштабным влиянием на все общество, приводя его в состояние «контртеррористической мобилизации», тревожной готовности. Экстремизм, как воплощенный фанатизм, в качестве своей цели выбирает социальные отношения, имеющие системообразующий характер. Институциональная неопределенность экстремизма и терроризма в общественном устройстве сопровождается их противопоставлением государству. Исключением являются

немногочисленные государственные образования, исповедующие фанатичную идеологию, возникшие, как правило, в результате насильственного захвата власти экстремистской группировкой.

Фанатичное сознание располагает почти всеми характеристиками экстремистского, что позволяет считать последнее его видовой категорией. Фанатичная идентичность связана с осознанием себя как носителя определенной идеологии и ценностей. При этом идеологическая схема фанатичной сверхценной идеи интериоризируется, становится элементом представления о себе, сердцевиной «я-концепции». Сформированная таким образом идентичность руководит восприятием ценностей, реализуя ценностные стандарты, соответствующие экстремистскому мировоззрению, в деятельности и поведении. На основе типологии Н. А. Савицкой и В. Л. Леви²⁸ мы выделяем четыре группы экстремистских идентичностей по критерию ведущей мотивации деятельности.

Первая группа – идеологически мотивированная. Для ее представителя характерны признаки «идеального» экстремистского сознания, он поглощен доктриной, основная ценностная доминанта которой – фанатичная идея по преобразованию мира, средства воплощения ее простираются от мессианства, проповедничества до насилия. Вторая группа мотивируется эмоционально и делится на три подгруппы. Первая из них условно может быть названа реваншистской, при этом уровень отождествления личности определяет масштабы реванша, которые простираются от собственной личности, семьи, поселка, к этносу, нации, стране. Идеология также занимает высокий ранг в системе ценностей представителей группы. В ней велико присутствие женщин, причем вербовка неопиток ведется с акцентом на мотив мести. Во второй подгруппе аффективно-эмоциональный компонент проявляется в нарциссизме и демонстративности, представителям свойственна «инфляция эго», под которой К.-Г. Юнг (1996)²⁹ понимал присвоение содержания коллективного бессознательного, идеология может отступать на второй план. Третья подгруппа мотивируется эмоциями страха и неуверенности: принадлежащий к ней субъект, имеет слабое развитие личностных структур, нуждается в постоянном одобрении, склонен к насилию в компенсаторных целях. Типичный представитель четвертой подгруппы – «авантюрист», зависимый от риска и экстремальных впечатлений. Следующая, третья группа имеет невротическую и психопатологическую мотивацию. К ней относятся три подгруппы: первые две – представители полярных садистских и мазохистских типов. Для первой характерна страсть к насилию ради насилия, которое служит источником эмоциональной разрядки, для второй – влечение к некрофилии, страданию, подвижность чувством вины. Третья подгруппа – эмоционально холодный субъект, неспособный к эмпатии. Может проявлять садистические

²⁸ Савицкая Н. А., Леви В.Л. Фанатизм - это сверхусилие в сочетании с забытой целью (двенадцать психологических типов личности потенциальных террористов) // Россия и мусульманский мир. – 2003. – №. 3. – С. 161-164.

²⁹ Юнг К.- Г. Проблемы души нашего времени. – Прогресс, 1996. – 336 с.

наклонности, но не получать от них удовольствия. Может мотивироваться материальным обогащением. Последняя, самая немногочисленная, четвертая группа объединяет субъектов с рационалистической мотивацией. Приведенная схема довольно условна, поскольку «чистых» типов экстремистской идентичности практически не бывает. Данные типы идентичностей, выделенные по психосоциальным основаниям, отличаются разными пропорциями идеологических, эмоциональных, невротических и психопатологических компонентов и позволяют представить разнообразие социально-психологического профиля экстремистских организаций и оценить риски вхождения в них конкретных субъектов.

Механизмом вовлечения в экстремистскую деятельность служит радикализация сознания, которой наиболее подвержено молодое поколение. Экстремизм нацелен на дестабилизацию власти, эскалацию социальных конфликтов, применение социально недопустимых стратегий и тактик их разрешения. По сути, целью экстремизма и терроризма, при крайней формальности, скудости и схематичности идеологических программ, является внедрение инфернальной картины реальности в общественное сознание, которая должна способствовать разрушению ценностей общества.

Автор приходит к выводу о том, что для фанатизма, экстремизма и терроризма характерны ценностные и потребностные подмены: вместо потребностей высшего уровня реализуются низшие и фрустрированные высшие, а ценности декларируются, но не проживаются. В институциональном плане существуют трудности определения экстремистских организаций, их жизнь на периферии общества связана как с возможностью ухода от ответственности, так и романтизацией в глазах недостаточно зрелых субъектов, прежде всего молодежи.

Социальный фанатизм и порождаемые им экстремизм и терроризм нуждаются в философской рефлексии, существенно расширяющей методологический горизонт данных понятий. Криминологическая и политическая трактовки данных феноменов не могут охватить их глубинных, экзистенциальных истоков, следовательно, рекомендуемые мероприятия по предотвращению и профилактике более узкие, чем масштаб названных явлений.

В параграфе 2.3. «Глобализация и интегральная стратегия преодоления фанатизма» анализируется влияние глобализации и ее мировоззренческой двойственности на формирование фанатизма. Подчеркнута особая опасность фанатичных течений в условиях современности, когда в свете неолиберальной парадигмы представления о добре и зле, связанные с жизнью многих поколений, подвергаются ревизии в свете «общеевропейских» ценностей, а традиция трактуется как архаичный механизм, стоящий на пути прогресса. Социальный конфликт, порождающий фанатизм, в случае опоры на традиционалистскую почву имеет характер несовпадения временных векторов, буквального столкновения субъективных миров, относящихся к разным этапам общественного развития. Рациональное

мировоззрение, доминирующее в западном мире, не дает социально приемлемых средств выражения дорациональных религиозных убеждений и ценностей. Это провоцирует ожесточение, социальный и личностный конфликт и субъективную поляризацию картины мира: чтобы не отречься от своих верований, человек начинает отстаивать их с чрезмерной силой, обозначая для себя весь остальной мир как «неверный», нуждающийся в исправлении. Последствия виртуальной глобализации создают не только экономическое неравенство и напряжение, они провоцируют социальный конфликт, как предпосылку фанатизма. Исключенные социальные слои, этнические и конфессиональные группы, интересы которых не может выразить государство, исповедующее неолиберальную идеологическую доктрину, становятся почвой для пополнения рядов потенциальных фанатиков и экстремистов.

Исповедуя секулярную духовность, неолиберальная парадигма отказывает в праве реализации множеству религиозных форм и течений. При всех теоретических различиях, и П. А. Сорокин, и К. Уилбер едины в понимании необходимости религиозной, ценностной и мировоззренческой интеграции разнотипных стран и социумов как условия выживания человечества. Холистическая, диалоговая парадигма - путь, который сможет предотвратить развитие фанатичной идеологии, экстремизма и терроризма. Автор приходит к выводу, что преодоление фанатизма возможно на основе интегрального понимания его причин и природы: совместное действие экономических, культурных, мировоззренческих и социосистемных факторов создает условия для того, чтобы личность могла взять на себя ответственность за собственную жизнь и с помощью «энергии творческой любви» подняться на более высокий уровень морального сознания; развитие альтруизма, интегральной духовности, уважение к ценностям и религиям всех культур, а не только доминирующих в западном обществе, надежно предотвращает формирование фанатизма и связанных с ним экстремизма и терроризма.

В заключении приводятся основные результаты и выводы диссертации, намечаются перспективы дальнейших исследований.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в научных изданиях, включенных ВАК в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук:

1. Токтомагов О.К. Жизненная установка на обладание и ее влияние на развитие фанатизма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 165-169.
2. Токтомагов О.К. Рациональность как основание фанатизма // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 48-51.

3. Токтомагов О.К. Фанатичный тип сознания как препятствие к толерантности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 189-192.
4. Токтомагов О.К. Фанатизм как ценностная деформация сознания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 22. С. 192-197.
5. Токтомагов О.К. Проблема критериев социального фанатизма // Общество: философия, история, культура. 2016. № 9. С. 57-59.
6. Туев В.А., Токтомагов О.К. Современный фанатизм как следствие дисгармонии потребностей личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 196-203.

Статьи, опубликованные в других изданиях и сборниках:

1. Токтомагов О. К. К вопросу о понятии «фанатизм» // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: / Материалы в 4 т.: Иркутск, 2011. Т. 2. С. 77-82.
2. Токтомагов О. К. Диалог в механизме преемственности ценностей. Социокультурные механизмы преемственности ценностей: / / Материалы Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 15-16 ноября 2013 г.), Алетея, Санкт-Петербург, 2013, С.111 – 114.
3. Токтомагов О. К. Ценностный анализ фанатизма // Социокультурные механизмы преемственности ценностей: / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Иркутск, 16-17 ноября 2012 г.). М.: Культурная революция, 2012. С. 86 – 89.
4. Токтомагов О. К. Виды социального фанатизма // Теория и практика приоритетных научных исследований сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. 2016. С. 121-123.
5. Токтомагов О. К. Современный фанатизм и радикализация сознания // Материалы XVI молодежной межрегиональной научно-практической конференции «Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы» (Иркутск, 24 апреля 2016 г.) - Иркутск: Сибирский поворот, 2016. С.276 – 281.